

DOI: 10.15372/HSS20160404
УДК 070+94(47)

Н.Н. РОДИГИНА, В.Н. ХУДЯКОВ

**СЛОВО И ДЕЛО «О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ»:
ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»**

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, ул. Партизанская, 4а
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье охарактеризован поколенческий дискурс журнала «Современник» и полемика вокруг суда (1866) по поводу статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении». Показано, что поколенческая риторика активно использовалась журналом с середины 1850-х гг. в рамках характерной для традиционного общества идеи преемственности отцов и детей. Однако с конца 1850-х гг. редакция «Современника» стала писать о безжизненности союза поколений и росте противоречий между «старым» и «новым» в реформирующейся России.

«Современник» стремился стать «властителем дум» молодежи, влиять на ее социальное поведение. Анализ текстов журнала выявил следующие жанры прямого управления поведением читателей: с помощью дискурса, выполнявшего директивные функции; путем формирования образа врага; посредством описания будущих событий в форме прогнозов и др.

Ключевые слова: общественная мысль России, вторая половина XIX – начала XX в., история журналистики, поколенческий дискурс.

N.N. RODIGINA, V.V. KHUDYAKOV

**WORD AND DEED “OF THE YOUNG GENERATION”:
FROM THE HISTORY OF THE MAGAZINE “SOVREMENNİK”**

Omsk State Pedagogical University,
4a, Partizanskaya str., Omsk, 644099, Russian Federation
Tobolsk complex scientific station UB RAS
15, Acad. Yu. Osipova Str., Tobolsk, 626152, Russian Federation

The article describes the generational discourse of “Sovremennik” magazine in the 1860s and the social polemics around the trial initiated in respect of publication of Yu.G. Zhukovsky’s article “The Question of the Young Generation” in 1866, which had evoked a great public response. The sources include the texts on generational issues published in “Sovremennik” magazine in 1855–1856; the newspaper publications about the trial against the employees of the magazine; the memoirs of trial participants; the memoirs of the Sixtiers about the impact of the magazine on their world outlook; unpublished clerical sources which cast light on the course of the trial. The magazine had been actively exploiting the generational rhetoric since the mid-1850s based on the idea of continuity of generations of fathers and sons, typical for a traditional society. Like the other “thick magazines” “Sovremennik” described the history of literature and public thought by constructing the models of literature generations. Yet in late 1850s – early 1860s it actualized the idea of lifelessness of the generations’ union and of growing contradictions between the “old” and the “new” in the reforming Russia. “Sovremennik” not just tried to become the “ruler of the minds” of the educated youth, it also tried to influence their social behavior, using the social mobilization resource based on the generational principle. The analysis of the magazine’s texts allowed to find the following genres of the direct action management: using the discourse of the pragmatic directive functions (instructions); creation of the image of the Other as an enemy; description of the future events in the form of the forecasts and scenarios, combined with different types of tips; using the rhetoric device – repetition. The impact of “Sovremennik”’s generational discourse was indicated by the lawsuit against Yu.G. Zhukovsky and the executive editor A.N. Pypin

Наталья Николаевна Родигина – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, ст. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Виктор Николаевич Худяков – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, e-mail: vnh_ist@mail.ru.

Nataliya N. Rodigina – Professor of the Department of the Russian history of Omsk State Pedagogical University, Senior Researcher of the Tobolsk complex scientific station UB RAS.

Viktor N. Khudyakov – Professor of the Department of the Russian history of Omsk State Pedagogical University.

who were brought to the trial for "insulting the nobility". Yet judging by the reports in periodicals, at the trial the parties discussed not so much the magazine's views on the nobility, but mostly the image of the young generation created by the magazine.

Key words: Russian public thought, the second half of XIX – early XX century, history of journalism, generational discourse.

МОТИВЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМЕ И ЗАМЫСЕЛ СТАТЬИ: ЧТО НОВОГО МОЖНО НАПИСАТЬ О «СОВРЕМЕННОМ»?

Несмотря на то, что история «Современника» 1860-х гг., литературная деятельность его сотрудников, цензурные преследования издания были предметом активной исследовательской рефлексии, особенно в советский период [1; 2; 3; 4 и др.], роль журнала в популяризации поколенческого дискурса, его попытки сделать идею борьбы поколений знаменем общественной борьбы до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Таким образом, деятельность «Современника» по пропаганде концепта «поколения» и продвижения поколенческой градации общества оказалась не востребованной в культурной памяти потомков, не вызвала существенного интереса ни у исследователей, ни у публицистов, ни у политиков. Между тем с публикацией на страницах журнала статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении» связывают принятие окончательного решения о закрытии издания [4, с. 88]. За эту статью ее автор и выпускающий редактор, известный впоследствии историк литературы и этнографии А.Н. Пыпин, были привлечены к суду «за оскорбление дворянства». Судебное дело, начавшееся в августе 1866 г., получило большой общественный резонанс. Как свидетельствуют материалы периодической печати, открытые судебные заседания превратились в общественную трибуну обсуждения проблемы взаимоотношения поколений.

Мы ставим перед собой *следующие задачи*: охарактеризовать поколенческий дискурс журнала «Современник» 1860-х гг. и общественную полемику вокруг судебного процесса (1866), возбужденного по поводу статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении», т.е. выяснить, как восприняли современники этот процесс над «Современником». На наш взгляд, названный судебный процесс позволяет наглядно судить о том, насколько поколенческий дискурс журнала был влиятелен для власти и образованного общества. Возвращаясь к названию статьи, можно сказать, что на материалах *дела* по статье «Вопрос молодого поколения» мы пытаемся выяснить, как отозвалось *слово* «Современника» о поколениях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ СТАТЬИ

Методологическая рамка задается пониманием «поколения» как особой формы групповой идентичности, особого режима социализации, особого способа конструировать прошлое, особой мифологии [5, с. 13]. Мы сочли продуктивными идеи Ф. Мантре о «выразителях поколения», элите, которая берет

на себя ответственность представлять за всех остальных [6]. Идея сообществ внутри поколений, которые по разным причинам наделяют себя полномочиями формировать образы, мифологию «поколения в целом», была подхвачена Х. Ортегой-и-Гассетом, отчасти К. Мангеймом. Их наблюдения предопределили особую чувствительность к вопросу о том, кто и при каких обстоятельствах присваивал себе статус рупора поколения и как эти попытки воспринимались современниками [7]. Другая исследовательская рамка, по сути дополняющая первую, связана с работами М.О. Чудаковой, И.В. Кукулина по истории литературных поколений, побудившими сконцентрировать внимание на языке самоописания поколений [8; 9].

Мы соотносим проблемно-тематическое поле статьи с традицией критических дискурсивных исследований, в том варианте их понимания, которое предложено Т. ван Дейком. Исходя из того, что дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, он утверждает, что для властных групп важным представляется контролировать в первую очередь дискурс. Если коммуникативные события включают в себя не только «вербальные» текст и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в контроле над дискурсом является контроль над его контекстом и доступом к нему [10]. Одной из наиболее влиятельных форм публичного дискурса в изучаемую эпоху был дискурс «толстых» журналов. Это обусловило наше пристальное внимание к вопросам о том, кто имел доступ к «производству» знания о поколениях в рамках этого дискурса, чье определение текущей социальной, политической ситуации воспринималось как влиятельное, кто контролировал доступность этого дискурса для читателей.

Имея в виду солидную традицию изучения интересующего нас журнала и его роли в общественной мысли 1860-х гг., огромное количество исследований, посвященных жизни и творчеству ярких представителей круга «Современника», остановимся лишь на тех работах, которые оказали определяющее влияние на замысел и содержание настоящей статьи. Для понимания мировоззренческого, эстетического и социально-психологического контекстов поколенческого дискурса журнала, выявления истоков, причин и особенностей культа новизны и молодости у «шестидесятников» (разночинцев и реалистов), специфики самосознания и форм их личностного самовыражения в разножанровых текстах и социальных практиках мы обращались к работам Б.Ф. Егорова, Т.И. Печерской, И. Паперно [11; 12; 13]. Для нас стали отправными их выводы о системообразующих характеристиках «новых» людей: радикальном отрицании «старой» эпохи с ее ценностями и традициями; отказе от фило-

софского идеализма в пользу позитивизма, от традиционной христианской морали в пользу этики утилитаризма, от конституционного либерализма в пользу политического радикализма; религиозно окрашенном материализме; безграничной вере в науку; почитании труда и культивировании бытового аскетизма; риторичности как черты мышления и стилевого поведения «шестидесятников»; стремлении «построить себя» и воспитать массу «новых» и «особенных» людей и др.

Принимая во внимание известную фразу А.И. Герцена, назвавшего «шестидесятников» демократического круга русской журналистики поколением семинаристов, мы обратились к исследованию Л. Манчестер, посвященному судьбам, идеям и идеалам поповичей – сыновей служителей церкви, отказавшихся от сословной принадлежности и сферы деятельности отцов [14]. Мы разделяем мнение исследовательницы о том, что мировоззрение поповичей основывалось на особой (нередко секуляризированной форме) религиозности и они приносили эти взгляды в ряды интеллигенции, способствуя становлению форм самосознания в рамках интеллигентского этоса. Поповичи воспринимали себя как «аскетов в миру», стремились пересоздать окружающий мир, опираясь на образцы, вынесенные из прошлого, основываясь на памяти о детстве, проведенном в среде духовного сословия. Подвергая секуляризации церковные модели поведения, они тем самым сохраняли многие ценности, унаследованные от предков, что позволяло снять противоречия между сословными традициями и западными заимствованиями [14, с. 14]. Однако утверждение историка о том, что разрыв между дореформенной и пореформенной интеллигенцией, описанный Тургеневым как столкновение «отцов и детей», имел не столько межпоколенческую, сколько социальную основу, представляется не совсем верным. Мы думаем, что корrekтнее говорить и о межпоколенческой, и о сословной природе этого разрыва (между дворянами и выходцами из духовенства), интерпретируя конфликты между поколениями и сословиями как социальные конфликты.

ИСТОЧНИКОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

В качестве *источников* мы привлекли публикации журнала «Современник» 1860–1866 гг. по теме поколений; статьи и информационные сообщения столичных газет различной мировоззренческой направленности («Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей»), освещавших процесс над Ю.Г. Жуковским и А.Н. Пыпиным в августе – октябре 1866 г.; воспоминания участников процесса, а также мемуары «шестидесятников» о влиянии интересующего нас журнала на формирование их мировоззрения и системы ценностей. Для реконструкции хода судебного разбирательства мы обращались к разноплановым неопубликованным источникам (письмам, телеграммам, делопроизводственной документации), хранящимся в фонде А.Н. Пыпина (Ф. 621) отдела рукописей Российской национальной библиотеки и лич-

ном фонде Ю.Г. Жуковского (Ф. 1247) Российского государственного архива литературы и искусства.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС «СОВРЕМЕННОГО» КАК ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ»

Для того чтобы напомнить о ключевой роли «толстых» журналов в литературоцентричном русском обществе, сошлемся на мнение историка литературы С.А. Венгерова: «Когда со середины 1850-х гг. началась эпоха Великих реформ, первенствующую роль играла литература. Во главе движения стали не представители общественных групп, которым не было возможности сколько-нибудь определенно организовать, а представители литературы. Вождами нового поколения были: непосредственно – публицисты и литературные критики, а в художественном отражении – лучшие наши беллетристы и поэты. Борьба общественных партий происходила исключительно на страницах журналов – где же ей было происходить в другом месте? “Современник”, Чернышевский, Некрасов, Писарев, Герцен, “Колокол”, Катков, “Русский вестник”, “Весть”, тургеневские “Отцы и дети” – по этим именам и заглавиям в то время группировались совершенно так же, как в наше время по названиям политических партий» [15, с. 37].

Мемуарные произведения о конце 1850 – начале 1860-х гг., вне зависимости от сословной, мировоззренческой принадлежности их авторов, содержат многочисленные упоминания об обязательном наличии «Современника» в круге чтения молодежи, считавшей себя передовой. Журнал конструировал систему ценностей, был «учителем жизни» для разочаровавшихся в идеалах «отцов» и установках традиционной культуры «детей» как в столицах, так и в провинции, формировал единое коммуникативное пространство, создавал общие культурные коды, объединял в поколение своих «разночинных» читателей. Выходец из купеческой среды, журналист, издатель юмористического еженедельника «Осколки» Н.А. Лейкин, к примеру, писал: «...В шестидесятых годах интеллигентная молодежь куда больше читала, чем в последующие десятилетия, не говоря уже о нынешнем времени. Каждая книжка ежемесячного журнала, в особенности “Современника” и “Русского вестника”, ожидалась с нетерпением. Выход ее составлял эпоху. О ней говорили при встречах в театре, в обществе. Не подписавшиеся на журнал забегали в книжные магазины и в читальни, чтобы хоть узнать по обложке содержание книжки, имея возможность перелистывать ее, пока она еще не попадет в руки для чтения. Часто бывало так, что добыв книжку на короткий срок, молодежь собиралась друг у друга, чтобы читать ее вместе и буквально поглощала ее содержание» [16, с. 170]. Часто «толстые» журналы становились в прямом смысле школой жизни, заменяя учебники и учителей. Чиновник А.А. Пеликан вспоминал: «Волков, вскоре после того умерший, снабжал меня все лето разными вновь выходящими книжками и толстыми журналами: “Оте-

чественными записками”, “Современником”, “Русским словом” и др. И я ими просто зачитывался. Если чтение этих журналов, с одной стороны, и способствовало значительному расширению горизонта моих познаний, то с другой стороны, отнимало у меня слишком много времени и, в конце концов, уничтожило всякую охоту к учению, я стал плохо учиться и впоследствии мне с трудом пришлось наверстывать потерянное время» [17, с. 185]. Схожее утверждение встречаем у Н.Я. Николадзе – участника революционного движения, отмечавшего в своих мемуарах, что в старших классах гимназии он больше интересовался журналами, чем уроками [18, с. 30].

Поколенческая риторика активно использовалась журналом с середины 1850-х гг. Так, в февральском номере 1855 г. читаем: «Доживающее свои последние минуты, уже готовое сойти с поприща старое поколение, так поздно и нехотя признающее теперь новые таланты, так неблагоприятно встречавшее их при их появлении, называет нас еще до сих пор молодым поколением... Печально, если мы сами, утешаемые этим лестным эпитетом молодого поколения, не будем замечать наших седых волос, не будем признавать новой жизни, пробивающейся вокруг нас, нового поколения, которое готово, в свою очередь, и нас вытеснить из мира... Но постараемся... идя неумолимо и дружно со временем, никогда не упуская из виду исторической точки зрения, будем радостно встречать и приветствовать все возникающее, молодое, живое, новое, свежее, полное надежд, не станем уподобляться этим почтенным старцам, отрицающим все молодое и новое» [19, с. 220–221].

Как правило, поколенческая терминология на страницах журнала употреблялась в рамках характерной для традиционного общества идеи преемственности поколений отцов и детей, а противоречия между ними сводились к нежеланию «старших» уступать свой символический статус следующему поколению. Общим местом, характерным для литературно-критических отделов «Современника», как, впрочем, и других «толстых» журналов 1850-х гг., было описание истории русской литературы и общественной мысли с помощью конструирования моделей литературных поколений 1820-х гг., 1840-х гг. и др.

Однако уже в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в публикациях выпускника Нижегородской духовной семинарии Н.А. Добролюбова все чаще актуализировалась мысль о безжизненности союза поколений и росте противоречий между «старым» и «новым» в условиях реформирующейся России. Так, в статье «Литературные мелочи прошлого года», опубликованной в январском номере 1859 г., Добролюбов декларирует:

Мы не поклонники учения о безусловной и регулярной преемственности поколений, но вдумываясь в настоящее и в близкое прошедшее, мы не можем не заметить, что характер нового поколения нашего должен дать ему в событиях совсем другую роль, нежели какую имело предыдущее. Люди того поколения проникнуты были высокими, но несколько

отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное, но выше всего был для них принцип. Принципом же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнения и отрицания купили они свой принцип и никогда не могли освободиться от его давящего, мертвящего влияния. Что-то пантеистическое было у них в признании принципа: жизнь была для них служением принципу, человек – рабом принципа, всякий поступок, не сообразенный с принципом, считался преступлением [20, с. 23].

«Старшее»/«прошедшее» поколение или, словами Добролюбова, «партия пожилых людей», сравнивались критиком с врачом, не практиковавшим много лет, дающим советы, но не оказывающим нуждающимся медицинскую помощь. Люди «нового» поколения, в отличие от предшественников, «космотревшись вокруг себя, вместо всех туманных абстракций и признаков прошлых поколений увидели в мире только человека, настоящего человека, созданного из плоти и крови, с его действительными, а не фантастическими отношениями ко всему окружающему миру» [20, с. 26]. Среди отличительных характеристик «новых» людей он называл приоритет блага конкретного человека над абстрактными принципами, дела над эмоциями, будущего над прошлым.

Из плоскости историко-литературных градаций и литературной полемики поколенческая риторика шагнула в реальную жизнь после публикации в 1860 г. известной рецензии Добролюбова на роман И.С. Тургенева «Накануне», которая стала «последней каплей» в ситуации принятия Тургеневым решения об уходе из «Современника». Юный критик доказывал несовершенство тургеневских героев, утверждал, что эти «прежние сеятели добра, люди рудинского закала, теряют значительную долю своего прежнего кредита. Их уважают как старых наставников, но редко кто, вошедши в свой разум, расположен выслушивать опять те уроки, которые с такой жадностью принимались прежде... Нужно уже нечто другое, нужно идти дальше» [21, с. 37]. При этом образ «старых» героев тургеневских произведений выстраивался по принципу бинарных оппозиций новым/молодым/свободным людям, молодежи, для которой слово неразрывно с поступком, будущим думающей России. Вновь сошлемся на упомянутую статью:

В течение того периода времени, пока рисовались перед нами все эти просвещенные поборники истины и добра, красноречивые страдальцы возвышенных убеждений, подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку. Они с детства неприметно и постоянно напивались теми понятиями, для которых прежде лучшие люди должны были бороться, сомневаться и страдать в зрелом возрасте. Поэтому сам характер образования в нынешнем молодом обществе получил другой цвет. Те понятия и стремления, которые прежде давали титул передового человека, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности [21, с. 36].

Как известно, Тургенев познакомился со статьей накануне публикации и попросил Н.А. Некрасова не печатать ее. Редактор «Современника» поддержал Добролюбова. И.С. Тургенев, которому был чужд «мужицкий демократизм» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, покинул «новый» «Современник».

Исследователи, особенно в советский период, отмечали, что раскол среди «властителей дум» (напомним, что из состава редакции вышли Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, А.А. Фет, Д.В. Григорович и др.) носил сословный (между дворянами и разночинцами) и общественно-политический (между либералами и демократами) характер. Мы же хотели бы акцентировать внимание на том, что названный конфликт описывался его участниками при помощи поколенческой терминологии. Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, М.А. Антоновичем и их сторонниками он интерпретировался как раскол по поколенческому принципу, между прогрессивным «новым» поколением, т.е. детьми/«шестидесятниками», и «старым» поколением отцов/мечтателей/идеалистов. Лидеры нового «Современника» увидели в этом разрыве мотив появления «Отцов и детей». Чернышевский назвал роман «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову», мстью за конфликт в «Современнике».

Примечательно, что характеристики «отцов», данные Н.А. Добролюбовым, повторяются Н.А. Некрасовым в стихотворении «Человек сороковых годов» (1866). Позволим себе привести его фрагмент:

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен, я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом –
Увы! Вошло в мою натуру!...
Не от рождения я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов [22].

Новая редакция «Современника» присвоила себе функции публичного защитника интересов молодого поколения, это стало своеобразной визитной карточкой журнала, позиционировавшего себя как орган молодых/новых/прогрессивных людей. Сотрудник издания Г.З. Елисеев, к примеру, замечал, что «Современник», вообще, горой стоял за молодое поколение и на него возлагал все надежды в будущем [23, с. 500].

«Современник», пользуясь символическим капиталом журнала, не просто стремился стать «властителем» дум читающей молодежи, он напрямую пытался влиять на ее социальное поведение и контролировать его, используя для этого ресурс социальной мобилизации по поколенческому принципу.

Анализ текстов «Современника» конца 1850 – начала 1860-х гг. позволяет выделить следующие дискурсивные жанры прямого управления действием.

1. Используя дискурс, выполнявший директивные прагматические функции, а именно – регуляций, инструкций. Значительная часть критических статей «нового» «Современника» содержит слова-маркеры, фразы, побуждающие к действию. Из множества текстов, использующих сходные речевые конструкции, приведем в качестве примера достаточно нейтральный в эмоциональном плане фрагмент упомянутой рецензии Добролюбова:

Спрашивается, что же делало наше общество в последние 20–30 лет? Пока ничего, развивалось, слушало Рудиных, сочувствовало их неудачам в благородной борьбе за убеждения, приговаривалось к делу, но ничего не делало... Ясно, что теперь нужны нам не такие люди, которые бы еще больше «возвышали нас над окружающей действительностью», а такие, которые бы научили нас поднимать самую действительность до уровня тех разумных требований, которые мы осознали. Словом, нужны люди дела, а не отвлеченных, всегда немного эпикурейских рассуждений [21, с. 34].

2. При помощи формирования образа другого как врага, осуждение которого призвано было сплотить единомышленников. Первоначально в качестве «другого» выступали «отцы»-крепостники, затем, после выхода тургеневских «Отцов и детей» в феврале 1862 г., на эту роль был назначен Евгений Базаров и его создатель И.С. Тургенев. Как хорошо известно, роман Тургенева имел широкий общественный резонанс и способствовал популяризации поколенческого дискурса русской журнальной прессы. Напомним, что он был опубликован в 1862 г. в оппозиционном «Современнике» катковском «Русском вестнике». Размышляя о роли романа в актуализации проблемы поколений, историк литературы Г.Н. Геннади замечал в середине 1860-х гг.: «Теперь журналисты в двух лагерях: московском и петербургском. Их особенно различает польский вопрос и война, которую поднял Тургенев своим “Отцы и дети”»¹.

Широко известно, что «Современником» была опубликована едкая статья выпускника Петербургской духовной академии, одного из ведущих критиков позднего «Современника» М.А. Антоновича – «Асмодей нашего времени». Он обвинил И.С. Тургенева в том, что «Отцы и дети» – это пасквиль на молодое поколение. Примечательно, что Антонович укорял Тургенева за то, что тот питает личную неприязнь, патологическую ненависть к своему герою. В результате Базаров – это «злостная карикатура на молодое поколение», созданная с желчью и раздражением «художественным нашим Нестором», а сам роман – «беспощадная и разрушительная критика молодого поколения» и гимн отцам [24]. Антонович, в частности, утверждал:

Почти на каждой странице видно желание автора во что бы то ни стало унизить героя, которого он считал своим противником, и потому взваливал на него всевозможные нелепости и всячески издевался над ним, рассыпаясь

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 178 (Геннади Г.Н.). Д. 10. Л. 11.

в остротах и колкостях... О нравственном характере и нравственных качествах героя и говорить нечего, это не человек, а какое-то ужасное существо, просто дьявол, или, выражаясь более поэтически, асмодей. Он систематически ненавидит и преследует все, начиная от своих добрых родителей, которых он терпеть не может, и оканчивая лягушками, которых он режет с безжалостной жестокостью... [24, с. 71].

Известно, что статья Антоновича была написана с согласия Чернышевского и не шла вразрез с оценкой романа лидерами новой редакции «Современника». Как упоминает в своих воспоминаниях Елисеев, задолго до появления романа на страницах «Русского вестника» в литературных кружках стали ходить слухи, что Тургенев пишет новый роман с целью осмеять направление «Современника», главным героем выведен Добролюбов, а остальные лица взяты из его поклонников в среде молодого поколения; слухи прибавляли, что роман создается по инициативе Каткова и Тургенев ведет с ним переписку о героях романа и сообразно этому делает поправки [23, с. 272]. Несправедливость утверждения Елисеева давно доказана историками литературы, но, как свидетельствуют воспоминания радикально настроенных современников, такая точка зрения получила определенное распространение среди студенческой молодежи.

«Борьба с Базаровым» стала темой целой серии публикаций журнала 1862–1866 гг. и не только наглядно отразила образ антигероя современности в версии «Современника», но и показала, как именно в дискуссии о поколениях преломлялись все актуальные вопросы социальной, политической и культурной жизни России. Тургенев вспоминал:

У меня, по поводу «Отцов и детей» составила довольно любопытная коллекция писем. Сопоставление их не лишено некоторого интереса. В то время, как одни обвиняют меня в оскорблении молодого поколения, в отсталости, мракобесии, извещают меня, что они с хохотом и презрением сжигают мои фотографические карточки, другие, напротив, упрекают меня в низкопоклонстве перед самым этим молодым поколением. «Вы ползаете у ног Базарова!», – восклицает один корреспондент: «Вы только притворяетесь, что осуждаете его, в сущности, вы заискиваете перед ним!». Помнится, один критик в сильных и красноречивых выражениях, прямо ко мне обращенных, представил меня вместе с Катковым в виде двух заговорщиков, замышляющих свой гнусный ков, свою клевету на русские молодые силы. Картина вышла эффектная! [25, с. 157–158].

Не вдаваясь в характеристику отношения современников к роману, так как этот сюжет «вдоль и поперек» уже изучен литературоведами, обратим внимание на то, что именно «Современник» последовательно отстаивал идею о том, что «Отцы и дети» положили начало традиции антинигилистической прозы, впоследствии продолженной «Взбаламученным морем» А.Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н.С. Лескова и др. Антонович утверждал, к примеру:

Даже слепой увидит, а если не увидит, то может ощупать, что «Отцы и дети» и «Взбаламученное море» – родные братья, что по своему направлению они вытекают из одно-

го источника, что у них одинаковые тенденции, что «Отцы и дети» напитаны были тою же солью, какою теперь насыщены воды «Взбаламученного моря». Оба эти произведения были напечатаны в «Русском вестнике» – одно это уже до некоторой степени определяет их характер и указывает на их духовное родство [26, с. 204].

Понимая дидактический потенциал русской литературы, «Современник» не только разоблачал литературного героя Базарова, уделяя ему по объему гораздо больше публикаций, чем своему постоянному оппоненту М.Н. Каткову, но и преследовал все попытки сделать Базарова героем «нового времени», достаточно жестко критикуя известную писаревскую версию Базарова (что было одной из тем полемики с «Русским словом»). Антонович, к примеру, писал: «Жалко же ты, молодое поколение, со своими стремлениями и идеями, если ты узнаешь себя в романе Тургенева, если ты на самом деле таково, как он тебя изобразил, если ты считаешь это изображение не карикатурой, а своим идеалом» [24, с. 114].

3. Помимо принуждающих форм дискурса, воздействие на предполагаемые действия достигалось с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций, например, в форме прогнозов, сценариев, которые часто комбинировались с разными видами советов. В роли экспертов для слабо социализированных в литературном плане неофитов-разночинцев, естественно, выступали литературные критики, указывавшие современникам, кого и за что стоит читать, с кого брать пример, и наоборот. Этим приемом активно пользовались Антонович и Жуковский, ставшие после смерти Добролюбова ведущими критиками журнала. Сочетание приемов обличения и предупреждения демонстрирует уже упомянутая статья Жуковского «Вопрос о молодом поколении» [27]. Он громил и увещевал дворянство, которое, вместо того, чтобы воспрянуть после реформы 1861 г. и взяться энергично за дело, проедало выкупные свидетельства и тунеядствовало. Он осуждал систему воспитания дворянства, не отвечающую потребностям страны и лишавшую дворянство национальной почвы. Он предсказывал, что если все так и будет продолжаться, то через несколько лет все имения перейдут к кулакам-скупщикам, у которых дворянской тунеядствующей молодежи придется играть роль прихлебателей и лизоблюдов.

4. Литературные критики и обозреватели «Современника» активно мобилизовали в качестве убеждающих риторических приемов повторы. Слова-маркеры – «поколение», «новое поколение», «наша молодежь», «отцы и дети» – стабильно упоминались в разделах «Современное обозрение» и «Русская литература», повторяясь как в критических разборах новейших произведений литературы, так и в анализе текущих общественно-политических событий, и по сути, становясь общим местом в лексиконе «Современника».

Показательно, что, по мнению обозревателей журнала, первенство и инициатива в литературных баталиях о конфликте отцов и детей принадлежат совсем

не им, а катковским изданиям – «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». Первое взъерошило одних против других публикацией «Отцов и детей», а второе постоянно обращается к молодому поколению с одинаковой злобой, обвиняя его в революционных тенденциях, приписывая ему антисоциальные намерения, превращая молодых людей в пугала, достойные омерзения [28, с. 144].

ДЕЛО О СТАТЬЕ «ВОПРОС О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ» (1866 г.)

Одним из свидетельств влияния поколенческого дискурса «Современника», превратившего поколенческий дискурс из литературного в общественно-политический, стало уже упомянутое дело против сотрудников журнала Ю.Г. Жуковского и А.Н. Пыпина, привлеченных к суду в 1866 г. за «оскорбление дворянского земледельческого сословия». Интересы обвиняемых представлял известный либеральный публицист, адвокат К.К. Арсеньев. В своих воспоминаниях он так обосновывал мотивы своего участия в деле:

Пыпина в то время я знал очень мало, но давно уважал его как ученого, как одного из руководителей «Современника», как одного из пяти профессоров, покинувших Санкт-Петербургский университет из-за репрессий 1861 г. Жуковский был моим старым товарищем по училищу правоведения; статьи его в «Современнике» были мне хорошо знакомы. До крайности заинтересованный в это время вопросами, относившимися к делам печати, я с радостью принял на себя защиту симпатичных мне людей против совершенно неосновательного обвинения [29, с. 65].

Как свидетельствуют материалы письма Арсеньева к Пыпину и материалы обвинительного заключения, сотрудники «Современника» обвинялись по ст. 1039 и ст. 1040 Уложения о наказаниях, предусматривавших «оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени» (то есть диффамацию), и «оскорбление, злословием или бранью, частного или должностного лица или общества, или установления» (то есть простую обиду)². Как уже упоминалось, дело получило большой общественный резонанс. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали 26 августа 1866 г.: «По очень понятным причинам, дело это привлекло в суд весьма многочисленную публику. По крайней мере, половина желающих присутствовать в этот день при судоворении не могла поместиться на скамьях, отведенных для публики в большой зале судебных заседаний»³. К.И. Чуковский писал: «Процесс оказался громкий; радикальная молодежь зашумела» [30, с. 11].

Оскорбление дворянства, с точки зрения товарища прокурора Н.Б. Якоби, состояло в употреблении

бранных слов в отношении дворянства, в попытках дискредитировать статус сословия путем соотнесения его представителей с туеядцами⁴. Однако, судя по материалам периодической печати, на судебном процессе обсуждалась не столько позиция журнала в отношении дворянства, сколько его репрезентация взаимоотношений поколений. Русское общественное мнение, расколовшееся после петербургских пожаров 1862 г., польских событий 1863 г., а еще больше после караковского выстрела 1866 г., превратило процесс в арену уточнения своих политических позиций.

М.Н. Катков находил содержание статьи Жуковского крайне вредным и называл «Современник» орудием в руках врагов России (как внешних, так и внутренних)⁵. С резкой критикой обрушилась на подсудимых консервативная газета «Весть», обвинявшая их в распространении нигилизма. Умеренно-либеральные издания, не сочувствуя идеям журнала, считали процесс наступлением на свободу слова и поддерживали своих «собратьев по перу»⁶. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили на своих страницах выдержки из речи К.К. Арсеньева, акцентировавшего внимание не только на беспочвенности обвинений своих подзащитных в оскорблении дворянства, но и в разжигании конфликта поколений: «Намерение автора заключалось в том, чтобы рассеять те недоразумения, которые поселяют вражду между старым и молодым поколениями и соединить оба поколения»⁷.

Петербургский окружной суд на заседании 25 августа 1866 г. оправдал Жуковского и Пыпина, что вызвало аплодисменты публики. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Мы приветствуем это решение как члены общества, принимающие к сердцу интересы печати, поскольку они совпадают с общими интересами страны, с ее успехами на почве законности и права, с ограждением печати от личных взглядов и предубеждений»⁸.

Однако под давлением министра внутренних дел П.А. Валуева прокурор опротестовал решение окружного суда. 4 октября 1866 г. дело Жуковского и Пыпина рассматривалось вновь в Петербургской судебной палате. Арсеньев так описывает причины повторного судебного разбирательства: «...Это могло быть вызвано желанием подкрепить административное усмотрение (имеется в виду закрытие «Современника» в июне 1866 г. – Н. Р., В. Х.) авторитетным голосом суда: обвинительный приговор – так могло казаться – должен раскрыть со всей яркостью предосудительность направления, которого держался прекращенный журнал» [29, с. 67]. В итоге подсудимые были приговорены к штрафу по 100 руб. каждый и к аресту на военной га-

⁴ РГАЛИ. Ф. 1247 (Жуковский Ю.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–6.

⁵ Московские ведомости. 1866. 1 окт. С. 1.

⁶ Голос. 1866. 27 авг. С. 1; Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 26 авг. С. 1.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 7 окт. С. 2.

⁸ Там же. 1866. 26 авг. С. 1.

² ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А.Н.). Д. 38. Л. 1–7; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1247 (Жуковский Ю.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–6 и др.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 26 авг. С. 1.

уптвахте в течение трех недель. Попутно заметим, что обстоятельства пребывания сотрудников «Современника» на гауптвахте подробно описаны в воспоминаниях Е.И. Жуковской и в книге Ю.Г. Жуковско-го «XIX век и его нравственная культура» [31; 32]. Н.А. Некрасов к суду не привлекался и не присутствовал на судебных заседаниях (он в это время находился в Карабихе). Хотя он, как свидетельствует его письмо Пыпину 23 августа 1866 г., был готов разделить со своими коллегами ответственность за публикацию статьи. Под влиянием впечатлений от судебного процесса поэт написал стихотворение «Суд» (1867), в котором, в частности, есть такие строки:

...Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал, что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность – дым.
Оно, конечно, гласный суд –
Все ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают... [33, с. 33].

Однако именно после названного процесса дела о печати были изъяты из ведения окружных судов, «открыв собой длинный ряд отступлений от основных начал судебной реформы» [29, с. 66]. Журнал «Современник», как известно, был закрыт еще до начала судебного процесса. Однако актуализированный при его участии поколенческий дискурс с характерными для него сюжетами о поколенческой градации истории, о предназначении и времени жизни «молодого» и «старого» поколений продолжал жить своей жизнью как в периодической печати, так в автобиографических, художественных текстах XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л.: Худож. литература, 1936. 621 с.
2. *Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г.Ф.* Последние годы «Современника» (1863–1966). Л.: Гослитиздат, 1939. 344 с.
3. *Козьмин Б.П.* Журнал «Современник» – орган революционной демократии. Журналистско-публицистическая деятельность Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. 84 с.
4. *Сикорский Н.М.* «Современник» – журнал революционной демократии 60-х гг. М.: Моск. полиграф. ин-т, 1962. 87 с.
5. *Кастэ И.* Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 192 с.
6. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М.: Искусство, 1991. 588 с.
8. *Чудакова М.О.* Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 73–91.
9. *Кукулин И.* Ангел истории и сопровождающие его лица: О поколенческих и «внепоколенческих» формах социальной консолидации в современной русской литературе // Пути России: Культура – общество – человек: материалы междунар. симп. (25–26 января 2008 г.). М.: Логос, 2008. С. 108–127.
10. *Тен А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Либроком, 2014. 244 с.
11. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов Л.: Искусство, 1991. 334 с.

12. *Печерская Т.И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.

13. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

14. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и современное самосознание в России / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

15. Собр. соч. С.А. Венгерова. СПб.: Прометей, 1911. Т. 1: Героический характер русской литературы. 205 с.

16. *Лейкин Н.А.* в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Видьборг, 1907. 387 с.

17. *Пеликан А.А.* Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 163–199.

18. *Николадзе Н.Я.* Воспоминания о шестидесятых годах // Картога и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 29–52.

19. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 2. С. 220–243.

20. *Добролюбов Н.А.* Литературные мелочи прошлого года // Современник. 1859. № 1. С. 1–30.

21. *Добролюбов Н.А.* Новая повесть г. Тургенева («Накануне», повесть И.С. Тургенева) // Современник. 1860. № 3. Отд. 3. С. 31–42.

22. *Некрасов Н.А.* Человек сороковых годов // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1982. Т. 3. С. 27.

23. Шестидесятые годы: Антонович М.А. Воспоминания, Елисеев Г.З. Воспоминания / под ред. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. М.: Academia, 1933. 579 с.

24. *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени («Отцы и дети» роман Тургенева) // Современник. 1862. № 3. С. 65–114.

25. *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // Литературные и житейские воспоминания / ред., коммент. А. Островского, вступ. ст. А. Бескиной, И. Цырлина. Л., 1934. С. 152–162.

26. *Антонович М.А.* Современные романы // Современник. 1864. № 4. С. 201–238.

27. *Жуковский Ю.Г.* Вопрос молодого поколения // Современник. 1866. № 2. С. 165–192; № 3. С. 1–31.

28. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Наша общественная жизнь // Современник. 1863. № 9. С. 127–148.

29. *Арсеньев К.К.* Из воспоминаний // Цензура в России в конце XIX – начале XX в.: сб. воспоминаний. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 63–67.

30. *Чуковский К.И.* Дверь в эту книгу: предисловие // Жуковская Е.И. Записки. М.: Аграф, 2001. С. 5–18.

31. *Жуковская Е.И.* Из записок шестидесятницы // Звенья. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 345–373.

32. *Жуковский Ю.Г.* XIX век и его нравственная культура. СПб.: Тип. Киршбаума, 1909. 161 с.

33. *Некрасов Н. А.* Суд // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1982. Т. 3. С. 33.

REFERENCES

1. *Evgenyev-Maksimov V.E.* «Sovremennik» under Chernyshevsky and Dobrolyubov. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1936, 621 p. (In Russ.)
2. *Evgenyev-Maksimov V.E., Tizengauzen G.F.* The Last Years of «Sovremennik» (1863–1966). Leningrad: Goslitizdat, 1939, 344 p. (In Russ.)
3. *Kozmin B.P.* «Sovremennik» as the Organ of the Revolutionary Democracy. Journalistic Activities of N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov. Moscow: Vysh. part. shkola pri TSK KPSS, 1957, 84 p. (In Russ.)
4. *Sikorsky N.M.* «Sovremennik» – the Magazine of Revolutionary Democracy of 1860s. Moscow: Moskovsky poligraf. in-t., 1962, 87 p. (In Russ.)

5. *Kaspe I.* The Art of Being Absent: The Unnoticed Generation of Russian Literature. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 192 p. (In Russ.)
6. *Mangeim K.* The Problem of Generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 30, pp. 7–47. (In Russ.)
7. *Ortega-y-Gasset J.* What is Philosophy? Moscow: Iskustvo, 1991, 588 p. (In Russ.)
8. *Chudakova M.O.* The Notes on Generations in Soviet Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 30, pp. 73–91. (In Russ.)
9. *Kukulin I.* Angel of History and the Accompanying Persons: On the Generational and «Nongenerational» Types of Social Consolidation in Contemporary Russian Literature. Puti Rossii: Kul'tura-obshchestvo-chelovek (The Paths of Russia: Culture-Society-Personality): Papers of the annual international conference. Moscow, 2008, January 25–26 / ed. by Alexander Nikulin. Moscow: Logos, 2008, pp. 108–127. (In Russ.)
10. *Teun A. van Dijk.* Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication. Translation from English. Moscow: Librokom, 2014, 244 p. (In Russ.)
11. *Egorov B.F.* The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia of the Middle of XIX century. Leningrad: Iskustvo, 1991, 334 p.
12. *Pecherskaya T.I.* Raznochintny of 1860s: the Phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics (memoirs, diaries, letters, belles-lettres). Novosibirsk: In-t filologiyi SO RAN, 1999, 300 p. (In Russ.)
13. *Paperno I.* A Study in the Semiotics of Behavior: Chernyshevsky and the Age of Realism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996, 207 p. (In Russ.)
14. *Manchester L.* Popovichi in Secular World: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Translation from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 448 p. (In Russ.)
15. Collected works of Vengerov S.A. SPb.: Prometej, 1911, vol. I.1: The Heroic Character of Russian Literature, 205 p. (In Russ.)
16. *Leikin N.A.* in His Memoirs and Correspondence. SPb.: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vildborg, 1907, 387 p. (In Russ.)
17. *Pelikan A. A.* In the Second Half of the XIX century. *Golos minuvshego*. 1914, no. 3, pp. 163–199. (In Russ.)
18. *Nikoladze N.Ya.* Memories of the Sixties. *Katorga i Ssylka*. 1927, no. 4 (33), pp. 29–52. (In Russ.)
19. Notes and Reflections of New Poet on Russian Journalism. *Sovremennik*, 1855, no. 2, pp. 220–243. (In Russ.)
20. *Dobrolyubov N.A.* Literary Trifles of the Last Year. *Sovremennik*, 1859, no. 1, pp. 1–30. (In Russ.)
21. *Dobrolyubov N.A.* The New Novel by Turgenev («On the Eve», the novel by I.S. Turgenev). *Sovremennik*, 1860, no. 3, pp. 31–42. (In Russ.)
22. *Nekrasov N.A.* A Person of Forties. Nekrasov N.A. *Polnoye sobranie sochineny i pisem: in 15 vols*, Leningrad: IRLI (Pushkinsky Dom), 1982, vol. 3, p. 27. (In Russ.)
23. Sixties: Antonovich M.A. Memories, Eliseev G. Z. Memories / ed. by V.E Evgenyev-Maksimov and G. F. Tisengausen. Moscow: Academia, 1933, 579 p. (In Russ.)
24. *Antonovich M. A.* Asmodeus of Our Times («Fathers and Sons», novel by Turgenev). *Sovremennik*, 1862, no. 3, pp. 65–114. (In Russ.)
25. *Turgenev I.S.* On «Fathers and Sons». *Literaturnye i zhiteiskiy vospominania*, red., komment. A. Ostrovskogo, vstupit. statia A. Beskinoi, I. Tsyrlina. Leningrad, 1934, pp. 152–162. (In Russ.)
26. *Antonovich M.A.* The Modern Novels. *Sovremennik*. 1864, no. 4, pp. 201–238. (In Russ.)
27. *Zhukovsky Yu. G.* The Question of Young Generation. *Sovremennik*. 1866, no. 2, pp. 165–192; no. 3, pp. 1–31. (In Russ.)
28. *Saltykov-Shechedrin M. E.* Our Public Life. *Sovremennik*. 1863, no. 9, pp. 127–148. (In Russ.)
29. *Arseniev K.K.* From the memories. *Tsenzura v Rossiya v kontse XIX – nachale XX v.*: Sbornik vospominaniy. SPb.: Dmitry Bulanin, 2003, pp. 63–67. (In Russ.)
30. *Chukovsky K.I.* The Door to This Book: an Introduction. *Zhukovskaya E.I. Zapiski*. Moscow: Agraf, 2001, pp. 5–18. (In Russ.)
31. *Zhukovskaya E.I.* From the Notes of a Sixtier. *Zvenya*, vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia, 1932, pp. 345–373. (In Russ.)
32. *Zhukovsky Yu.G.* XIX Century and its Moral Culture. SPb.: Tipya Kirshbauma, 1909, 161 p. (In Russ.)
33. *Nekrasov N.A.* The trial. *Nekrasov N.A. Polnoye sobranie sochineny i pisem: in 15 vols*. Leningrad: IRLI (Pushkinsky Dom), 1982, vol. 3, p. 33. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.10.2016